

Дмитрий Дубинин

ДЕНЬ

СКАРАБЕЯ

Дмитрий Дубинин

День скарабея

Текст предоставлен автором.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6027475

Аннотация

В квартиру к бизнесмену средней руки Сергею Лихоманову, который когда-то постигал «особые» приемы автослесарного ремесла на Кубе, приходит его старый друг. Он совершил тяжкое преступление и просит на время укрыть его вместе с подельниками. Лихоманов узнаёт об этом слишком поздно, и с этого момента его жизнь становится почти невыносимой. Примерно в это же время в город, где живёт Лихоманов, приезжает его деловой партнёр. Он не узнаёт город – в нём пусто, словно бы произошёл исход. Только брошенные машины, безлюдные дома, разрушение и запустение. Одичавшие собаки и редкие обезумевшие люди. В этом городе людям придётся делать нелёгкий выбор, сталкиваться со сверхъестественными явлениями, смертельными опасностями и – что самое главное – решать для себя: есть ли пределы для любви, дружбы и ненависти.

Содержание

Пролог	4
Глава первая	12
Глава вторая	37
Глава третья	59
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Дмитрий Дубинин

День скарабея

*Полная луна тяжело восходит
Над безмолвным холмом.
Красная трава на его вершине.
Дзюэмон Котомура*

Пролог

Под рифленным навесом жара казалась лишь немногим слабее, чем на открытой тропическому солнцу улице. И все же большой термометр со шкалой Фаренгейта уверял, что в мастерской всего лишь восемьдесят пять градусов – даже до тридцати по Цельсию не дотягивает. Пустяки, словом, особенно для тех, кто привык.

Автомеханик по имени Хосе Норьег, без сомнения, считал подобную температуру приятной прохладой, особенно если под открытым небом никак не меньше ста градусов. Но сейчас мастер не прохлаждался. На его усатом лице, чертами напоминающем гордые анфасы испанских грандов с полотен Эль Греко или Веласкеса, было хмурое выражение. В длинных темно-коричневых пальцах Норьег крутил свечу зажигания, только что вывернутую из двигателя стоящего в мастерской «Доджа» образца пятьдесят восьмого года и, впол-

не возможно, именно эта свеча заставила мастера хмуриться, словно бы делая его лицо еще более темным. Цветом кожи Норьега более походил на негра, нежели на гранда, и черные пятна нагара на жилистых руках были не слишком заметны даже при свете двух довольно ярких электрических ламп, висящих под потолком. Третья лампа, установленная на верстаке, за спиной механика, тоже была включена. Она освещала разобранный распределитель зажигания от какой-то громадной машины и снятую с него крышку с бегунком – даже издали видно, что навсегда вышедшим из строя.

Посетитель мастерской догадывался, почему на лице мастера появилось хмурое выражение. Ведь он уже дважды обращался к Хосе с просьбой, довольно удивительной для иностранца, да к тому же русского. И дважды Норьега выпроваживал посетителя за дверь, уверяя, что тот обратился не по адресу.

И вот теперь назойливый русский пришел опять. Норьега почти неслышно вздохнул, взял с верстака пальмовое волокно и принялся счищать со свечи нагар уверенными, отработанными за много лет движениями. Длинная прядь поиндейски черных прямых волос, перехваченных банданой, свалилась из-за плеча на инструмент. Мастер с досадой тряхнул головой и обратился к пришельцу, не глядя на него и не прекращая своего занятия:

– Я ведь говорил уже тебе: у меня достаточно учеников, чтобы брать новых, да еще таких, которые скоро уедут отсю-

да к себе домой. Ко мне в прошлом году приходили гринго – настоящие американцы из Детройта с такими же просьбами. Ты знаешь, что они предлагали мне? Несколько наборов инструмента, шикарный выбор запчастей по каталогам «Крайслера» и «Дженерал Моторз». И денег столько, сколько я за всю жизнь не заработаю. И только для того, чтобы понять, каким образом по нашим улицам ездят их машины пятидесятих годов и при этом не рассыпаются в пыль... Я отказал. И тебе тоже отказываю, если ты еще этого не понял... Да ведь и нет у вас в России таких машин.

Хозяин мастерской замолчал, всем своим видом стараясь показать, что посторонним пора убираться. Похожий одновременно на европейца, индейца и негра – словом, истинный кубинец – жилистый высокий мужчина неопределенного возраста, одетый в зеленую тенниску и драные джинсы, казался посетителю – молодому советскому инженеру – кем-то вроде технократического идола. Норьега был одним из тех редких даже для Кубы автомехаников, которые обладали истинной властью над машинами. На Острове Свободы не так уж много машин... Но и не так уж мало. Здесь больше, чем в любой другой стране мира, древних американских чудовищ с необычайно мощными для нашего времени моторами. Редко где встречаются более свежие – те же «американцы», но поскромнее, нечасто увидишь японскую или европейскую марку; их ввозили в страну, как правило, в обход множества законов. Попадаются «Лады» выпуска семидесятых – вось-

мидесятых, эти уже экспортировались официально. По льготам соцлагеря – в обмен на сигареты и тростниковый сахар... Но на чем бы ни ездили местные автовладельцы, объединяет их общая проблема – жуткий дефицит и бешеная дороговизна запасных частей.

Кубинский автомеханик – это не просто ремесленник. Он – виртуоз и импровизатор, использующий инструмент механический с таким же мастерством, с каким великий джазмен владеет инструментом музыкальным. Из обрезков металлического прута местный мастер делает винты и гайки, из старых товарных контейнеров – детали кузова. Изъеденные ржавчиной и годами эксплуатации детали двигателя, коробки передач и ходовой части он может отшлифовать до состояния вновь сделанного на заводе. Течет радиатор – ну что за проблема – горсть маниоковой муки разбухнет в охлаждающей мотор воде и забьет микротрещины... Не работает аккумулятор – и это не страшно: вытащим свинцовые пластины, заново перельем их в давно изготовленной форме, и поставим обратно. Ревет глушитель – заменим «родной» патрубком обрезком любой подходящей по размеру трубы, хотя бы вон тем, что притащили вчера мальчишки, шнырявшие где-то в районе строящегося автозавода, который вот уже пятый год не могут довести до ума эти русские со своей «перестройкой»... Гринго, кстати, уже давно прозвали новую советскую политику «дестройкой», но на то они и гринго, что с них взять...

– У нас действительно нет таких машин, – согласился русский, с трудом подбирая испанские слова. – У нас есть другие. В основном сейчас приходит много автомобилей из Японии. Это старые машины, в которых мало кто разбирается. Японцы их просто выбрасывают, а к нам их привозят и пытаются заставить работать. Причем основательно, на долгие годы.

– Но ведь ты же не механик, – Хосе перестал терзать свечу. Много машин из Японии – уже интересно. Если там их выбрасывают, значит, машине не больше пятнадцати лет. А то и десяти. По кубинским меркам – совсем новые.

– Я работал в автомастерской, когда учился, – сказал инженер. – И даже думал открыть кооператив по ремонту машин после окончания института. Но мне повезло попасть в группу, которую направили сюда на строительство завода. Когда я вернусь, то все равно открою СТО. А сейчас мне просто необходим определенный опыт, который я смог бы здесь приобрести.

– Но почему ты из инженеров хочешь уйти в механики? – Норьега с трудом, но все же понимал слова, произнесенные с ошибками и тяжелым акцентом.

Русский невесело усмехнулся:

– Даже в прежние времена средний автослесарь в Советском Союзе считался более успешным человеком, чем средний инженер. В ближайшем будущем, вероятно, будет еще хуже. Мы внимательно читаем наши газеты и слушаем наше

радио, чтобы понять — дома происходит что-то очень странное. Доходит до того, что на государственных заводах просто не выплачивают зарплату. Потому многие и уходят в кооперативы. И я тоже уйду. Мы должны были проработать здесь целый год, но теперь нам сказали, что через три месяца всех нас отправят домой. Наше начальство решило не достраивать автозавод.

— Подожди, подожди... — Норьегу выволок из-за верстака сравнительно чистый табурет и предложил молодому человеку сесть. Сам устроился на деревянном ящике. — Это как понимать? Завод не будет достроен?

— Видимо, нет. Я не знаю всех причин, наш шеф почти ничего не говорит. Вроде бы решено расторгнуть контракт. Причем на самом высоком уровне.

Норьегу прикурил огрызок сигары и задумался. Если парень не врет, то это плохо. Получается, что новых рабочих мест не будет, безработных меньше не станет, а значит, не появятся и более-менее обеспеченные клиенты. «Лады» кубинской сборки не появятся тоже. Не самые лучшие машины, конечно, но пока существуют «Лады», автомеханикам не приходится жаловаться на отсутствие работы.

— И ты скоро уезжаешь?

— Месяца через три. За это время я надеюсь хотя бы немного понять, каким образом вы умеете делать из старых машин новые. Если мне скоро на самом деле придется возвращаться, я бы не хотел тратить зря время.

– Трех месяцев маловато будет, – покачал головой мастер. – Да и уверен ли ты, что тебе это пригодится, когда ты вернешься домой?

– Когда мы вернемся, то неизвестно, сколько будем зарабатывать. Шеф намекает на то, что, возможно даже, нас всех уволят... Сеньор Норьега, у меня есть деньги. Я почти ничего не тратил с тех пор, как стало известно, что наша работа прекращается.

– Не говори о деньгах. У тебя их все равно мало. Я еще раз спрашиваю: ты уверен, что это тебе надо? Ты и без этого сможешь по возвращении домой со временем стать хорошим механиком. Тем более, какой-то опыт у тебя остался.

– Я не хочу быть просто хорошим, – заявил молодой человек. – Я хочу быть лучшим.

Хосе внимательно посмотрел в лицо инженера. В глазах того горел почти фанатичный огонь. Такой – мастер это знал – встречался только у тех, кто впоследствии действительно становился специалистом высокого класса.

– Когда ты готов приступить? – спросил Норьега.

– Сегодня, – быстро ответил русский.

– А как же твоя основная работа?

– Ее почти нет. Мы сейчас в основном бездельничаем. А тупо пить ром или валяться на пляже мне не хочется.

– Ладно. Жду тебя через час. Или два. Денег мне не надо. За три месяца ты их и так отработаешь. Но если сегодня не придешь, больше не появляйся.

– Я обязательно приду... И еще, сеньор Норьега. Можно вопрос?

– Задавай.

– Это касается некоторых особенностей работы... Только пообещайте, что не выгоните меня, когда я его задам.

– Не буду. Ты уже убедил меня в том, что хочешь работать.

– Разговоры в городе ходят, сеньор Норьега... Будто бы вы... И некоторые другие механики... Используют... Как это будет по-испански... Не совсем традиционные методы. Особенности.

– Ты знаешь, почему Кубу до сих пор даже гринго не могут победить? – спросил Норьега.

– И почему?

– Потому что каждый кубинец днем посещает партийное собрание, вечером – церковь Девы Марии, а ночью – колдуна Вуду.

Инженер пристально поглядел на механика, но понять, шутит тот или нет, не сумел.

– Так как же насчет некоторых особенностей работы?

– Если ты боишься насчет твоих убеждений, партийных или религиозных, я тебе уже все объяснил.

– Но эти особенности действительно есть?

– Поработаешь – узнаешь, – просто сказал Норьега. – Может быть, – решил затем добавить он.

Глава первая

Кошмар начался минуту спустя после того, когда Надежда сообщила своему телефонному собеседнику, что она его ненавидит. До этой минуты Сергей предполагал, что он знает о кошмарах все. Однако он ошибался.

Свалившейся как снег на голову пару дней назад Наде выделили комнату Егора, самого же сына попытались переселить в зал, одновременно служащий и спальней родителей. Егор демонстративно перетащил компьютер в узкий чулан, располагающийся сразу направо от прихожей, не менее демонстративно установил там же кушетку, и не высказал ни малейшего желания ночевать в одной комнате с родителями – четырнадцать лет, это вам, как-никак вполне сформировавшийся подросток, чертовски самостоятельный, давно уже неласковый и уверившийся в том, что Лихомановы-старшие ни бельмеса не понимают в этой жизни. Может быть, даже меньше, чем эта полусумасшедшая Надежда – эта повидала куда больше, с ней хоть интересно поговорить бывает...

Нервный вздох Нади заставил Сергея непроизвольно поморщиться: сейчас эта взбалмошная кинется к своей старшей сестре, и опять начнет ныть про то, какой ее этот Гоша или Тоша козел и тряпка, и какие все мужики сво. А Ире придется поддакивать. Спорить нельзя – себе дороже выйдет. Потому-то неожиданному звонку в прихожей Сер-

гей только обрадовался – в любом случае это оттянет использование его жены в качестве жилетки хотя бы на несколько минут, а если повезет, то до следующего общения Надежды по телефону; настроение у довольно молодой еще женщины менялось быстрее, чем погода весной.

В этом плане, конечно, Сергею повезло.

– Кто там? – спросила Ира, подойдя к входным дверям и открыв внутреннюю.

– Серега дома? – послышался мужской голос из-за внешней, обшитой стальным листом. Знакомый вроде бы голос, странно слегка прерывающийся.

– Дома, – подтвердила Ира, глядя, как Сергей энергично закивал головой. – Кто его спрашивает?

Ну теперь-то уже что разбираться? – подумалось было Сергею. Кажется, он узнал, кто там, за закрытой дверью.

– Пашка, ты, что ли? – спросил он.

– Я! Открывай, мухомор!

Так мог сказать только Паша Кутапин. Сергей усмехнулся, думая о том, что со школьных времен его друг совсем не изменился... Сколько же лет они не виделись, начал он прикидывать, открывая дверь. Шесть?

На лестничной площадке, освещаемой мутноватым светом матовой лампочки, закрытой вместо плафона литровой стеклянной банкой с потеками извести, стоял Паша – не узнать его было невозможно. Хотя изменился он, надо признать, здорово.

– Зайду? – спросил он и, не ожидая ответа, шагнул через порог. Мужчины пожали друг другу руки.

– Какими судьбами? – спросил Сергей.

– Сложными, – криво улыбнулся Паша, показав щербатые, явно нездоровые зубы. – Большая проблема у меня, старик. Сможешь помочь?

– Ну, чем смогу... – Сергею не нужно было напрягать память, чтобы вспомнить сложную ситуацию, в которой бы Паша не выручил когда-то его, Сергея. Когда в седьмом классе например, Сергея местные великовозрастные пытались поставить на счетчик, Паша не по годам элегантно разрулил возникшие было сложности. Когда в восьмом классе Сергей едва не «потерял лицо», пытаясь достать аппаратуру для стихийной дискотеки, Паша нашел все за полчаса. Когда на втором курсе Сергей обхаживал Лену, и та наконец согласилась на ночную встречу, то Паша и его мама, добрая одинокая женщина, без малейших вопросов предоставили под эту встречу одну из комнат в их квартире. Впрочем, и Сергей выручал Павла, в основном, деньгами; Кутапин семь-восемь лет тому назад часто брался за разные авантюры, постоянно «прогорал», и Лихоманов, будучи тогда на подъеме, частенько ссужал друга средствами, не слишком заботясь о сроках возврата. Павел, впрочем, почти всегда возвращал вовремя.

Дружба эта держалась, конечно, вовсе не на подобной взаимопомощи. То есть, не только на ней. Почти у каждого мальчишки в детстве был такой друг-приятель, с которым

можно было прогулять контрольную, смастерить модель планера, выкурить втихаря сигарету, сходить в кино, обсудить особенности Наташки из девятого «А»... И если впоследствии, когда мальчишки становятся мужчинами, друзья не потерялись, значит, дружба эта настоящая, и нет ей видимого предела.

– Мне надо побыть у тебя какое-то время, – сказал Паша. И очень серьезным тоном.

Вот так. Не самый лучший момент он выбрал, это уж точно. У Егора каникулы, но отправить его пока никуда не удалось. Иринка в отпуске... И ее сестра – еще та проблема. А что, если Паша оттянет эту проблему на себя? Надеяться на это глуповато, но может быть, есть какой-нибудь смысл?

– Думаю, можно. Ты уже приехал? Прямо сейчас зайдешь? – спросил Сергей.

– Привет, Ира! – вместо ответа сказал Павел вновь появившейся в прихожей супруге старого друга. – Отлично выглядишь.

– Здравствуй, Паша. Спасибо... Ты знаешь, у нас... – Ира замялась.

– Все нормально, – сказал Сергей, повернувшись к жене.

– Ну, тогда я сейчас... Подожди пару минут.

Павел покинул квартиру и загремел подошвами по лестнице, не дожидаясь лифта – четвертый этаж, не так уж и высоко...

– По-твоему, у нас квартира резиновая? – риторически

спросила Ира.

– Это я уже у тебя спрашивал, когда притащилась Надька, – тихо ответил Сергей.

Конечно, мадемуазель Семичастнова, младшая сестра Иры, далеко не подарок. И уже не впервые она доказывает это как самому Сергею, так и Ире; не иначе, младшая доказывала это старшей еще до замужества последней, когда обе они жили вместе под одной крышей. С тех пор прошло какое-то время, Ирина и Надежда вроде бы разъехались по разным углам, но периодически наступали моменты, когда младшая разбегалась с «очередным» и отправлялась зализывать сердечные раны к сестрице.

Не подарком оказался и визит Паши. Кутапин вернулся спустя минуту, и вернулся не один, а с тяжело дышащей девушкой, которую Лихоманов увидел впервые. Вместе с ней Павел втащил в прихожую не более знакомого Сергею мужчину, с трудом передвигающего ноги и согнутого в поясице.

«Пьяный», – мелькнула в голове мысль. И исчезла, когда Сергей увидел кровавые пятна на руке неизвестного, которую тот прижимал к боку. Борт его куртки тоже был весь в крови.

– Господи, что случилось? – Ира не на шутку встревожилась.

– Это ее брат, – Паша, пыхтя, усаживал мужчину с бледным, измученным лицом на табурет у стены. – Попали в аварию прямо у вашего дома.

– Может, вызвать... – начала было Надя, тоже уже стоящая в прихожей. Егор с горящими от любопытства глазами жадно смотрел на происходящее возле двери.

– Не надо никого вызывать, – почти хором возразили Паша и девушка. Да и пострадавший тоже попытался что-то сказать, по-видимому, и его прозвучавшее предложение не сильно устраивало.

Выглядел он действительно как жертва катастрофы. Черные волосы всклокочены, на бледном лице не то царапины, не то следы ударов. На серой спортивной куртке кровь, легкие синие джинсы в грязи. Возраст определить почти невозможно, но, скорее всего, постарше Паши будет. Хотя Паша, как это порой бывает с небольшого роста блондинами, обычно выглядел моложе своих лет, чему в школьные времена частенько огорчался. Сегодня он вполне соответствовал своим тридцати семи, а вот девушке – высокой, худощавой, русоволосой, вряд ли исполнилось двадцать пять. Словом, возраст у всех из компании был разный, чего не сказать об одежде – словно бы своего рода униформе. И Паша, и девушка, подобно их раненому спутнику, носили почти одинаковые серые куртки и синие джинсы. Более безликое облачение трудно придумать.

– Плохо ему, – истерическим тоном произнесла русоволосая. – Нельзя его положить где-нибудь?

– Врач сейчас будет, – заявил Паша.

Впоследствии Сергей решил, что именно в тот момент

усомнился в истине слов старого друга и заподозрил неладное... Но тем не менее распорядился:

– В спальню несите. Разуваться не надо... Егор, не стой столбом, покажи дорогу.

Ира напряженным взглядом следила за процессией. Лоб ее собрался в морщины: если даже она и сочувствовала пострадавшему, невозможно было не думать о том, что линолеум сейчас донельзя будет заляпан, шкафчик с лекарствами – опустошен, а постельное белье придется выкинуть...

Охающего и стонущего мужчину положили на кровать Егора, временно занимаемую по ночам Надей. Надежде, кстати, нашлось дело – сестра отправила ее принести графин с водой, сама же пошла за аптечкой. Павел и девушка суетились вокруг кровати, помогая раненому расстегнуть куртку. Куртка за что-то зацепилась, девушка грязно выругалась – Сергей даже поморщился. Хотя ладно, стресс, видимо, не слабый, сам в ДТП не раз попадал, в курсе, что это такое.

Когда вода и лекарства поступили, а куртку и рубашку сняли, раненый потерял сознание. Его правый перепачканный кровью бок был кое-как забинтован. Девушка, приняв воду и бинты, осторожно принялась очищать кожу и снимать старую перевязку. Под кровью обнаружилась татуировка – церковь с немалым количеством куполов, возле небольшой совсем раны, можно сказать, крошечной, у нижнего ребра...

– Это что ж за авария-то у вас случилась? – Сергей повернулся к Павлу. – На рычаг, что ли, налетел? Непохоже.

– Я съем свои кроссовки, если это не пуля, – важно произнес Егор. Кроссовки ему были куплены Ирой на распродаже, естественно, даже близко не фирменные, а посему сын всячески их игнорировал, сказав даже однажды в сердцах, что ему «в падлу» такие носить. Конечно, он схлопотал от матери оплеуху за подобное выражение... Но что делать, если отцовский бизнес давно уже не приносит денег, достаточных для того, чтобы покупать настоящий «Рибок», да и вообще, соответствовать.

Русоволосую будто дернуло током. Она резко обернулась к окружающим. На ее лице появилось выражение ярости.

– Действительно, огнестрел, – пробормотала Надя. Недоучившийся следователь, как-никак. – Надо милицию вызывать, это же не шутки.

– Убери это! – вдруг незнакомым голосом рывкнул Павел. Надежда вздрогнула и едва не выронила мобильник. – Объясняю: наш друг скрывается от бандитов. Причем от серьезных бандитов, которым вся эта милиция никуда не упирается. Если вы вызовете милицию, или еще куда позвоните, его скоро убьют, да и вам плохо сделают.

– Да, лучше не надо никуда звонить, – с кривой гримасой произнесла девушка.

– Но у него же пуля где-то под ребром, – сказала Надя. – В любом случае нужен врач.

– Врач будет, – с уверенностью произнес Павел. – Дайте нам прийти в себя, и мы все порешаем. Главное – не беспо-

койтесь, мы постараемся поскорее уйти и не напрягать вас.

Потом Сергей думал, что в этот момент он все же поверил Паше.

Ирина стояла в проеме двери, молча наблюдая за суетой. Девушка не слишком умело обрабатывала рану, Надежда взялась ей помогать. На полу потихоньку росла куча окровавленных обрывков. Егор терся возле Павла: ему явно хотелось удовлетворить свое любопытство, но Кутапин пока молчал. Сергей тоже не приставал с расспросами: надо будет, расскажет. Вот ведь повезло, что называется! Если даже вообразить, что сейчас неожиданно появится врач, который в состоянии будет извлечь угодившую в бок пулю, этому типу наверняка нельзя будет вставать еще несколько дней как минимум. А это значит, что тут периодически будет торчать Пашка с девицей... При этом надо сделать так, чтобы все домочадцы держали язык за зубами – вдруг этот мужик и впрямь скрывается от бандитов?.. Или от кредиторов, что не имеет особого значения, поскольку озлобленный кредитор бывает ничем не лучше разбойника с большой дороги.

Раненый вдруг открыл глаза.

– Карина, – сказал он глухим голосом.

– Да-да, все будет в порядке, – пробормотала девушка, разматывая рулон бинта вокруг торса черноволосого.

– Котел... Где... Где сумка? – слова давались мужчине явно с большим трудом.

– С нами сумка, с нами, – говорила девушка. – Спокойно,

Андрей.

– Так когда будет врач? Ты ему уже звонил? Или какие-то другие варианты? – Спросил Сергей у Павла.

– Вообще, врач знает, куда ехать, – довольно равнодушно сказал Паша.

– Что вообще у тебя произошло? – заговорила Ира. – Давай уже, рассказывай.

– Обязательно расскажу... В общем, замутили мы тут один бизнес. Скажем так, с кредитами связанный. Деньги приличные. Но не учли того, что при этом перешли дорогу ребятам не то из Москвы, не то из Грозного...

Сергея немного оттеснили назад. Он обо что-то споткнулся, посмотрел под ноги. В коридоре стояла средних размеров дорожная сумка. Обычная дешевая сумка китайского производства под «Адидас» с недолговечными замками типа «молния».

Решив, что вещам не самое лучшее место на проходе, Лихоманов поднял сумку, оказавшуюся весьма увесистой, пронес ее в зал... В большой комнате работал телевизор, настроенный на один из местных каналов – областной центр передавал последние новости. По-видимому, криминальная хроника. Сорванные двери в здании банка, разбитая белая «Тойота» перед фасадом, лежащий на улице человек в милицеской форме... Закадровый голос что-то вещает: «десятого июня... во второй половине дня... трое налетчиков... огонь на поражение... убит сотрудник милиции... сумма похищен-

ного уточняется».

Сергея вдруг словно что-то ударило. Он взял в руку пульт телевизора – сделать звук погромче, но этого даже и не понадобилось. На экране появились фотороботы – наверное, тех самых налетчиков. Если два из них не вполне один в один соответствовали лицам визитеров, но в любом случае один из них был мужским, другой – женским, а вот третий – тут ошибки быть не могло – почти фотографически передавал добродушные черты лица Паши Кутапина.

Сумка! Сергей бросил на нее взгляд. Замок в одном месте чуть разошелся, Лихоманов наклонился, двумя пальцами сделал щель пошире...

Доллары. Видимо, очень даже солидная сумма, поскольку там лежала явно не одна толстая пачка. И даже не один десяток таких. Сергей резко отпрянул от неприятной находки.

* * *

От областного центра добираться на электричке часа два – можно сказать, совсем недолго. На машине – того быстрее, Сергей хорошо помнил времена, когда каждый день ездил в центр на работу. Менее чем за сутки можно добраться и пешком, даже с раненым на руках. Но если так, то Паша – свинья, как бы это ни было грустно. Грустно, что приходится думать так не о постороннем человеке, а о друге.

Лихоманов снял с базы трубку телефона, нажал кнопку.

Гудков нет. Плохо. Очень плохо... Мобильник Ирины на туалетном столике...

– Я же сказал: не надо никуда звонить, – донесся раздосадованный голос Паши. – Положи телефон... Нет, дай лучше его сюда.

– С какой стати? Послушай, дорогой, но подобной гадости я от тебя не ожидал. Какого черта ты меня так подставляешь? Зачем ты врешь про каких-то москвичей?

– А почему ты решил, что я вру?

– Банк вчера – это ваша работа?

– Блин!

– Вот-вот. Знаешь, я многое могу понять, и сам, бывало, попадал тоже, но вот так, как ты, я бы не поступил.

– А ты уверен?

– Уверен, Паша. Знаешь, так нельзя – всему есть свои границы.

– Я был уверен, что друзьям всегда помогают. Извини, если ошибся. Но уйти сейчас мы не сможем. Кстати, за беспокойство полагается платить. Даже друзьям.

– Деньги ваши наверняка уже спалились, – проворчал Сергей. – Впрочем, меня это мало интересует. Меня интересует, как бы мне не пойти за соучастие.

– Надо, чтобы никто, кроме тебя, ничего не просек... И твоего сына, – Павел покосился на Егора.

– Я ничего не знаю, – серьезно произнес Егор.

– Женщинам, конечно, ни слова, – подтвердил Сергей. –

Но они могут случайно до всего дознаться.

– Тогда надо исключить любую случайность...

Из комнаты донесся протяжный стон, затем послышалась явно тюремная брань.

– Ваш главный? – спросил Сергей.

– Какая разница? – ушел от ответа Павел.

– Ты прав, в данном случае – никакой.

В зал вошла Ирина.

– Где ваш врач, Паша? – нервно спросила она. Мне этот ваш потерпевший совсем не нравится. У него татуировки зоновские – Надежда сказала, что девять куполов на церкви – это он девять лет отсидел... А на плече – полумесяц, на нем – то ли черт, то ли кошка; это ведь тоже что-то означает?

Послышались два женских голоса – Надежда и девушка беседовали на повышенных тонах.

– Эта ваша Карина – так ведь ее зовут? – тоже во всех ваших делах участвует?

– К сожалению, да, – ответил Паша несколько загадочно.

Женщины в комнате Егора, похоже, были уже близки к выяснению отношений. Мужчины почти одновременно перешли туда.

– Да что ты в этом понимаешь? – девица зло сверкала глазами. – По-твоему, если наколки, так он не человек уже, что ли? И что с того даже, если сидел? Сейчас многие сидят, причем большинство ни за что.

– Я кое-что знаю, поверь! – заявила Надежда. – Я, знаешь

ли, в прокуратуре одно время работала...

– Так ты что, ментовка, выходит?! – Девушка картинно закатила глаза.

– Прекращай, – обратился к ней Паша. – Нам не выбирать, ясно?

– Все равно, мы попали! – заявила девушка. – Ты что ж, Котел, не знал, к кому шхеришься? Зачем пургу мел – «свой человек, свой человек»?

– Где врач? – опять задала вопрос жена Сергея. – Если врач не придет через минуту, я сама сообщу в милицию...

Ира ушла из комнаты. В повисшей тишине послышался характерный звук снимаемой телефонной трубки.

– Не работает, – сказала женщина. – Сережа, сдастся мне, что твои так называемые друзья обрезали телефонные провода в подъезде... В общем, все. С меня хватит. Я пошла в райотдел...

Не успела Ира нагнуться за туфлями, как Карина кошкой взметнулась от кровати и, буквально влетев в прихожую, схватила Иру за плечи и резко толкнула в сторону от двери. Женщина с трудом удержалась на ногах. Сергей моментально пришел в ярость.

– Ты что же делаешь, дрянь?! – загремел он.

И решительно направился к Карине, чтобы хорошенько влепить по щеке зарвавшейся девушке, но резко остановился, потому что та неожиданно выхватила из-под куртки небольшой пистолет.

– Никто никуда не пойдет! – уже знакомым истерическим тоном выкрикнула Карина.

– Лучше не надо, – поддакнул Павел. – Давайте попробуем без проблем продержаться несколько дней... К тебе это тоже относится! – прикрикнул он сообщнице. – Не напрягай людей!

Все замолчали.

– Врача, наверное, не будет, – утвердительно произнесла Ира. – Меня вот что интересует: когда ваш приятель умрет, тогда вы наконец избавите нас от вашего присутствия?

– Врач будет, – возразил Паша. – И наш друг не умрет – его надо обязательно поставить на ноги... Но придется ждать, когда он сможет самостоятельно передвигаться.

– И не только передвигаться, – угрюмо сказала Карина. – Кроме него, никто не сможет отмыть наш хабар... Если с Бариним что случится, баксы можно будет выбросить...

– Я бы выбросил твой длинный язык, – зло сказал Павел. Карина бросила на Кутапина тоже не слишком добрый взгляд.

– То есть, что же это получается? Вы, значит, намерены надолго здесь обосноваться? – деревянным голосом спросила Ира.

– Надолго, – подтвердил ее опасения Павел. И тоже без эмоций, лишь просто покачав красивой белокурой головой.

В дверь купе затарабанили чем-то металлическим. Несмотря на ранний час, я уже собирал вещи, готовясь к выходу. Попутчики крепко спали, причем двое храпели. На часах было около половины пятого утра, я чувствовал соответствующую этому времени разбитость, но надеялся, что днем удастся немного вздремнуть. Покинув купе с ворохом белья в руках, я отправился по коридору в сторону служебного помещения. Освещение вагона еще не выключили, хотя расцвет уже вступал в свои права. Молодая проводница, затаенная в облегающее ладную фигурку трико, выглядела очень сексуально, несмотря на припухшие спросонья глаза.

– Минут через двадцать подъедем, – хрипло сказала она. – Никто, кроме вас, тут не выходит.

– Уж извините, что пришлось из-за меня вставать ни свет ни заря, – я изобразил сочувственную улыбку.

Проводница с легкой нервозностью пожала плечиками. Под кофточкой у нее явно ничего не было – острые соски едва не протыкали тонкий трикотаж насквозь.

– Здесь уже давно никто не выходит, – сказала она. – И никто не садится. Вроде бы и не совсем уж деревня. Но как-то запущено все выглядит... Командировка?

Девушку вряд ли интересовала цель моей поездки. Она явно говорила со мной лишь затем, чтобы не уснуть.

– По делам, – сказал я.

– ...*Это соответствовало действительности? – спросили вы.*

– *В общем, да. Я ведь действительно приехал, чтобы договориться насчет того, чтобы возобновить поставки запчастей. Местные раньше много у нас покупали, но полгода назад директор их фирмы что-то перестал обращаться, хотя бизнес у него, насколько мне известно, продолжался. А поскольку и я, и наш генеральный хорошо знали его лично, то было решено, что я приеду и договорюсь о том, чтобы продолжать наши дела.*

– *Понятно. – Продолжайте.*

Город действительно выглядел «запущено». Поезд небыстро двигался по рельсам в окружении неопратно выглядевших сооружений железнодорожной инфраструктуры – не то барakov, не то цехов. И ни одного человека – даже каких-нибудь обходчиков не было видно в этот час близ путей.

Неожиданно резко неопратные постройки уступили место привокзальным сооружениям, а спустя полминуты – и самому вокзалу. Поезд почти остановился, проводница открыла лязгнувшую дверь и высунулась наружу.

– Как-то там... Неуютно, – проговорила она почти жалобно.

И даже передернулась всем телом.

– Что ж, спасибо, – сказал я. – Удачи.

– И вам того же, – последовал ответ.

Я спустился на замусоренный перрон и огляделся. Трудно поверить, но ни одного человека не было в пределах видимости. Действительно, «все запущено»... Дул прохладный ветер, гоняя мусор по асфальту платформы, низкое серое небо, казалось, касается шпиля вокзала. Такое впечатление, что и сам вокзал пуст... Рядом со мной стоял трактор – небольшое самоходное шасси для перевозки тележек с мелким грузом. У меня возникло ощущение, что этот трактор стоит тут не один год; у машины изрядно заржавел капот и спустили оба баллона на задних колесах. В этот миг мне очень захотелось запрыгнуть обратно в вагон... Но проводница уже хлопнула дверь. И все двери в других вагонах были закрыты. Да и поезд уже тронулся – тепловоз потащил состав, на мой взгляд, значительно раньше, чем истекли пять минут, отведенные для стоянки. И что именно тепловоз тянул поезд – это мне потом показалось важным.

– ... Почему тепловоз – так важно? – перебили вы.

– Над путями я видел контактные провода. Но состав тащил дизельный локомотив, которому не нужно электричество. Я ехал во втором вагоне, потому не мог не обратить на это внимание.

– И что из этого следует?

– Может быть, и ничего. Но что было потом, как-то

подтвердило мою догадку.

Конечно, этот город деревней нельзя назвать. И даже на самых задрипанных полустанках в начале шестого утра на перроне всегда можно увидеть хотя бы двух-трех пассажиров, бомжа, дворника, какого-нибудь железнодорожного рабоче-го. Но здесь оказалось пусто даже в здании вокзала.

То есть, абсолютно пусто. И, похоже, уже довольно давно.

Не веря своим глазам, я осмотрел вестибюль. Светильники не горели – ни забрызганная известкой люстра под сводчатым потолком, ни настенные рожки. Сквозь довольно грязные окна, часть из которых была с разбитыми стеклами, снаружи пробивался неуверенный утренний свет. Он освещал запыленный пол, смятые газеты на жестких секционных креслах, наглухо закрытые амбразуры касс и пустующие киоски. Электронное табло не работало, рекламные и указательные лайтбоксы тоже были выключенными.

Мне стало, мягко говоря, не по себе. Ну ведь дежурные-то должны быть здесь! Хотя бы один страж порядка ведь обязан торчать в обозримых пределах! Что все это значит?

Мои шаги гулко отдавались под сводом вокзального вестибюля. Я прошел по направлению выхода в город, и только тут обратил внимание на придвинутые к стене малярные леса, сколоченные из грубо обработанных досок, а рядом с ними – пару испачканных цинковых ведер.

Вот и ответ! Я даже хохотнул в голос. Старый вокзал за-

крыли на ремонт, а пассажиры, наверное, обслуживаются в каком-нибудь из сооружений в окрестностях перрона. И ничего удивительного – несколько лет тому назад, когда в Казани сгорел основной вокзал, на какое-то время там задействовали другое здание. Вот только какого лешего поезд остановился у бездействующей платформы?

Я вышел на привокзальную площадь и уставился на пустые, частично разгромленные киоски, и на пустые, просевшие на спущенных шинах, автобусы. У многих из них были выбиты стекла.

И опять-таки ни одной живой души в пределах видимости.

Вот тут-то мне и стало страшно. Что тут произошло? Эпидемия? Какая-то катастрофа? Может, тут что-то шарахнуло, вроде как в Чернобыле, и всех людей эвакуировали? А я, получается, замотавшись работой, семьей и прочей рутинной, даже ни о чем таком не знал? Нет, это чушь. Тогда, может быть, меня высадили на другой станции? – мелькнула мысль. Но нет, ведь и вокзал я этот помню, и площадь та же, и дома вокруг знакомые... Дома вокруг... И что – они тоже пустые?

В любом случае надо было что-то делать. Не стоять же тут столбом! Да и меры предосторожности не помешают – ведь не секрет, что в местах, откуда ушли добрые граждане, обычно появляются лихие ребята. К тому же, таскать на себе все свое барахло нет ни малейшего смысла.

Я вернулся в здание вокзала в поисках помещения, где

можно было бы оставить до лучших времен увесистую дорожную сумку. Попутно проверил висящие на стене таксофоны – местный и междугородный. В трубках – я в этом и так был почти уверен – ничего, кроме полной тишины, услышать не удалось.

Камера хранения оказалась незапертой и тоже совершенно пустой, если не считать алюминиевого чайника и пачки из-под печенья на столике, застеленном выцветшей и изрезанной во многих местах клеенкой. Здесь же лежал средних размеров ключ от накладного, по всей видимости, замка, и я решил его прикарманить.

Затем прошел через дверь с табличкой «Посторонним вход воспрещен» и проверил двери кабинетов и прочих служебных помещений. Все они оказались запертыми, но к одной из них подошел найденный в камере хранения ключ.

Внутри не обнаружилось ничего интересного – маленькая комнатка хозяйственно-канцелярского назначения. Несколько металлических шкафчиков, либо пустых, либо со спецодеждой, стеллаж, где обнаружилось несколько папок с бумагами, да книг специальной литературы плюс допотопный шифоньер и не менее допотопный офисный стол с выдвижными ящиками и молчащим телефоном под настольной лампой. В шифоньер я спрятал большую дорожную сумку и пакет, предварительно достав из нее банку консервов, остатки тостового хлеба и небольшую бутылку минеральной. Потрапезничав, рассовал по внутренним карманам документы,

банковские карты и деньги, взял пачку сигарет с зажигалкой, и положил наготове ключ от помещения, решив дальше двигаться сравнительно налегке — с собой у меня была только небольшая сумка на ремне с необходимым набором того, что не дает человеку опускаться...

Но перед выходом проверил содержимое ящиков стола. В верхнем нашелся журнал приема-выдачи чего-то. Мне хотелось посмотреть на последнюю отмеченную дату, но несколько страниц было вырвано, и информации я не получил. В других ящиках обнаружили комплект вагонных ключей, складной нож с вылетающим лезвием (не бандитский, всего лишь made in China, но если у вас такой обнаружит милиция, доказывать, что вы не верблюд, придется основательно), а также небольшой моток капронового шнура с крючком. Все это не оттягивало сумку, потому я решил взять трофеи с собой, после чего покинул вокзал и отправился по известному мне адресу.

— ...Все телефоны молчали? — уточнили вы.

— Да, все, какие мне попадались.

— У вас не было мобильного?

— Был. Но беда в том, что я забыл его подзарядить в поезде, пока была возможность, а потом, когда ушел с вокзала, оставил зарядник в дорожной сумке. Все равно его некуда было включать.

— Вы сразу пошли в офис вашего заказчика? У вас не воз-

никло желания выйти на перрон еще раз, посмотреть, нет ли другого поезда, например? Потом, наверняка где-нибудь могла стоять электричка – они проходят довольно часто.

– Верно, так я и сделал. Электричка стояла на четвертом пути. Двери закрыты, токоприемники опущены, кабины и вагоны пустые. И все тихо. Я постоял минут десять, за это время слышал только шум ветра.

– И никакого движения?

– Никакого. Из живых существ только вороны и голуби. Да еще увидел трех собак, бегающих по путям. Знаете, я побоялся оставаться на перроне, и скрылся в вокзале. Не внушали доверия эти собаки – как-то нехорошо они выглядели.

– Ясно. Продолжайте.

Адрес офиса был мне известен. Как и адрес квартиры директора – все же у нас с ним когда-то отношения были чуть больше, чем просто деловые. От вокзала до его квартиры путь неблизкий. Пересекать пешком город, подобный тому, в каком я очутился – занятие не для слабонервных. Был бы транспорт...

Но офис, где он вел бизнес, должен находиться гораздо ближе. Вот туда и можно заглянуть, может, все-таки удастся разобраться, что тут, черт возьми, произошло...

Июньский день вступил в свои права, но высокие облака были уж очень плотными; солнца не видно, небо тусклое. Ветер подвывает в проводах и шелестит гоняемым по асфальту

мусором. Где-то каркает ворона. Звуков же, присущих цивилизации, нет и в помине... Довольно прохладно, но осадки, вроде бы, выпадать не собираются.

Это и к лучшему. Неизвестно, что хуже в моем положении – бродить по жаре или под струями дождя. И без того тошно.

Иду прочь от вокзала по широкой асфальтированной улице. Если не ошибаюсь, не так давно она носила имя Энгельса, теперь на табличках читаю – «улица А. Колчака». Ну что ж, все в духе времени... Правая сторона – вдоль «красной линии» пятиэтажки, все сплошь с офисами и магазинами на первых этажах, левая – старые двух- и трехэтажные дома. Кое-где прямо на окнах квартир написано крупно «Продам», а то и «Sale» – прямо-таки в столичном духе. Первые этажи, с подоконниками вровень с асфальтом, как правило, сложены из кирпича, над ними надстроено из потемневшего бруса. В первых этажах либо парикмахерские, либо ателье-мастерские... Один из домов почти полностью сгорел – обугленные балки нелепо торчат в разные стороны. На конце одной из них дремлет ворона. Неподалеку пожарная автоцистерна – стоит тут по всем признакам далеко не первый день, если не первый месяц. Размотанные пожарные рукава валяются на тротуаре.

По-прежнему нет ни единого намека на то, что в этих домах хоть кто-то живет. Я захожу то в один подъезд, то в другой, наугад стучу в двери квартир... Пытаюсь попасть в магазин или аптеку – входы у многих крепко заперты, кое-где

двери выломаны. Гастроном №7 на углу Колчака и Старокаменской разграблен – особенно хорошо заметно, где в нем ранее находился винный отдел. В расположенном поблизости здании сбербанка тщательно рылись – наверняка рассчитывали на хорошую поживу; вопрос только, удалось ли чего найти.

– ...Улица Колчака? – вы очень удивились.

– Да, так было написано.

– От железнодорожного вокзала к зданию сбербанка ведет улица, которая действительно раньше называлась Энгельса. Но ее переименовали не в Колчака, а в Януша Корчака, уважаемый. Возможно, на какой-то из табличек заглавная буква «Я» была похожа на «А», а фамилию вы уже сами домыслили. Ведь могло же такое быть, если вы своими глазами увидели якобы разграбленный седьмой гастроном!

– Почему «якобы»? Да и насчет названия улицы я вряд ли ошибся.

– Это вы так думаете. Ладно. Вы нашли офис?

– Да, и довольно быстро.

Глава вторая

Из комнаты донесся приглушенный вскрик, что-то покапало по полу. Карина опять грубо выругалась. Сергей вошел в комнату, некоторое время ошалело смотрел на то, как девица затаптывает окурок на полу. В комнате ощутимо воняло табачным дымом, несмотря на приоткрытые оконные рамы; наверное, за все время с того момента, как в эту квартиру въехали Лихомановы, курили здесь впервые.

– Послушай, я же тебе русским языком сказал: здесь не курят! – зло произнес Сергей. – И я тебе запрещаю свинячить! Давай, быстро прибирай тут!

– Да ты кто, в натуре, такой, чтобы мне запрещать?! – взвилась Карина.

– Я хозяин этого дома! – заявил Сергей. – И потом – я предупреждал, что не надо ругаться при моем сыне... Давай, бери тряпку, отмывай пол. Что за дурдом! Да ты еще линолеум прожгла!

Карина выпучила на Сергея глаза – большие, голубые, но с неестественно большими зрачками, а потому казавшиеся слегка безумными. Сергей с неохотой признавался себе, что он побаивается эту девицу и ждет от нее какой-нибудь гадости. И вот – прошло всего несколько часов, а свинство уже цветет пышным цветом. И пахнет.

– Да ты вообще масть не чухаешь, что ли? – искренне уди-

вилась Карина. – Мне же в падлу с тряпкой шнырять.

– Почему? – наивно спросил Сергей.

– Да нельзя мне! – почти с отчаянием выкрикнула девушка. – Это же для опущенных занятие – полы мыть...

Действительно, день только начался, а столкновение интересов уже имело место в квартире Лихомановых. Маленькую комнату прочно оккупировали бандиты, и теперь хозяйка была вынуждена потесниться, чтобы устроить место в зале для Нади. Егору было проще – убедившись, что на чулан никто не претендует, и что взрослым не до него, он занавесил проем пледом и включил компьютер. Судя по реву самолетных двигателей и стрекоту пулеметных очередей, сын окончательно завязал с виртуальными монстрами и прочей нежизнью (чему Сергей был только рад), переключившись на авиасимуляторы.

Женщины выглядели потерянными. Ира с трудом верила во все происходящее, хотя бы потому, что впервые за все время своей семейной жизни потеряла возможность хоть как-то влиять на ситуацию; она чувствовала, что потеряла управление квартирой, и если бы могла, то сравнила бы свое ощущение с чувством рулевого, чей корабль вдруг перестал слушаться поворотов штурвала, а машины не реагируют на команды и несут судно совершенно неведомым курсом. Надя в свою очередь убедилась, что приехала погостить не в самый удачный момент, и потихоньку прикидывала возможность убраться восвояси. Квартира ее сестры казалась теперь

не самым уютным местом на свете, да и более глупая женщина могла бы догадаться, что Ирине сейчас не до Надежды с ее проблемами на любовном фронте.

– Послушай, Пашка, ты сам хоть маленько води себя по-человечески, – с досадой сказал Сергей, видя, что и Павел уже засунул в рот сигарету.

– Но ведь мы же курим, – с меньшей досадой произнес Паша, не торопясь все же пока прикуривать. – Мы же не можем выходить в подъезд, ну, блин, прости подлецов... Скажи спасибо, что сейчас лето, можно окно открывать. Зимой вообще атас был бы.

– Спасибо, – ядовито произнес Сергей. – А когда Карина тушит бычки на полу, это что? Показатель ее крутости? Почему бы ей не прибрать за собой теперь?

– Карина? – немного озадаченно произнес Паша. – Ну да, Карина. Да, ладно, больше она не будет. А где это видано, чтобы гости убирались в хате, если уж на то пошло?

– Если уж на то пошло, – не меняя ядовитого тона, возразил Сергей, – то где это видано, чтобы *гости*... Особенно тех, которых никто не звал, гадили в комнате?

– Да не будет она больше, я тебе отвечаю! – крикнул Паша.

– Мог бы пепелку тогда найти, что, догадаться трудно было? – подала голос Карина.

Если ее действительно так зовут, подумал Сергей. Он начал уже закипать не на шутку, но тут открыл глаза раненый.

– Так, заглохли, все, – сказал он и с тяжелым всхлипом

перевел дыхание. – Курить вы пока здесь не будете, поняли? Я дышать не могу. Попросите хозяина, в туалете чтоб разрешил, ясно? И вообще, пусть врача ищет, сколько можно ждать...

С этими словами главарь отключился.

Сергей оторопел.

– Что это значит? – не помня себя от злости, он схватил Павла за грудки.

– Убери ветки, – мрачно сказал тот, отдирая пальцы Сергея от своей рубашки. – Ну не проканалло у нас с костоправом, видишь, какая несрастуха... Послушай, ну ты же теперь крутой, в городе всех знаешь. Наверняка у тебя есть врач, которому можно доверять. Потом, ему можно дать баксов столько, сколько потребуется.

– Ты меня за нового русского не держи, – проворчал Сергей. – Сам же видишь: как я жил в старой «двушке», так и живу здесь по-прежнему.

– Непруха в делах? – с сочувствием, может быть, даже неподдельным, спросил Паша.

– Вроде того.

– Ну вот тебе и самому подогрев будет. Чем быстрее Барина поднимем на ноги, тем быстрее мы слиняем, и тем быстрее с тобой расчет сделаем. Ага?

Сергей посмотрел на друга, лицо которого горело явным отчаянием и готовностью идти на крайние меры, затем перевел взгляд на Карину, в чьих глазах прыгали искры сумасше-

ствия, тяжело вздохнул и перешел в зал. Женщины сидели перед показывающим какой-то сериал телевизором, но вряд ли они внимательно следили за разворачивающейся в фильме интригой. Напряжение в комнате казалось почти физически ощутимым.

– Ир. Дай какую-нибудь жестянку. Банку там из-под консервов, или еще что подобное. В туалет надо поставить.

– Зачем? – после секундной паузы спросила жена.

– Этим вахлакам курить где-то надо, – испытывая мучительную неловкость, сказал Лихоманов.

– Курить? У нас не курят, ты что, не знаешь? – Ирина словно бы не поверила своим ушам. – У нас же ребенок.

Сергей мог бы сказать, что пару недель назад самолично отобрал у «ребенка» початую пачку «Честерфилда», но не стал тогда раздувать скандал, щадя чувства жены и отлично понимая, что только усилит этим у сына чувство протеста.

Сейчас он тем более не собирался говорить об этом.

– Пусть курят, – сказал он. – Это же не навсегда.

– Возьми на кухне под мойкой, – тихо сказала жена.

Сергей отправился в кухню, понимая, что этот раунд их семья проиграла. Хотя, что значит «проиграла»? Ведь никакой схватки между гостями и хозяевами нет – есть просто идиотская ситуация, прямо по Троцкому – «ни мира, ни войны».

– В туалете будете курить, – сердито сообщил он налетчикам, зайдя в комнату. – И попытайтесь все-таки обойтись

без хамства.

Затем вышел в коридор, не испытывая ни малейшего желания долее общаться с гостями. За ним из комнаты выскочил Павел.

– Я же не гад, Серега, – горячо заговорил он, – я вижу, что мы тебя и твоих напрягаем по полной. Но и ты пойми меня правильно: у меня не было другого выхода. Мы ведь на полную раскручиваемся – все-таки пришлось грохнуть мусора.

Лихоманов хотел что-то ответить, но передумал.

...В любом углу Земли известно, что если хочешь гарантированно попасть в тюрьму – убей стража порядка. Потому что его коллеги расшибутся в лепешку, но найдут и отомстят. А резонансом крепко достанется и тем, кто хоть как-то помогал преступникам.

Преступникам, вот такая штука. Сергей теперь знал, что старый друг Пашка отсидел четыре года за кражу со взломом, и что именно на зоне нелегкая свела его с рецидивистом по имени Андрей Половод, более известным под кличкой Барин... Его настоящее имя назвали в повторе криминальных новостей, также как и имя Паши по кличке Котел. Как в действительности зовут девчонку-налетчицу, репортеры не сказали, а Сергей подозревал, что главарь, произнося в полубреду слово «Карина», имел в виду вовсе не подельницу, а авто бандитов, вынужденно брошенное ими у здания банка... Надо отдать Половоду должное – будучи с пулей под ребром, Барин все же смог урезонить своих сообщ-

ников, когда те подзабыли, что находятся в гостях, да еще в незваных...

Врач для Барина на самом деле оказался мифом. Потому сейчас Сергей ехал на своем темно-зеленом «Крауне» вовсе не на работу, а к хорошо знакомому хирургу с надеждой выручить из дурацкой ситуации не старого друга Пашку с подельниками, но свою семью и себя самого.

Сергей уверенно вел машину по улицам Вантайска, к этому моменту почти освободившимся от транспорта. Час пик прошел, автобусов стало заметно меньше, а легковых не прибавилось. Легковых машин в городе вообще не становилось больше. К сожалению. Для Лихоманова это означало лишь одно – стагнацию. Болотный застой в делах.

Еще лет десять тому назад казалось, что все налаживается. Почти остановившаяся в начале девяностых городская промышленность вдруг обрела второе дыхание, квартиры начали расти в цене, забурлила торговля, на дорогах стало больше машин, в том числе и дорогих. Сергей тогда как раз прикидывал: продолжать ли ему тянуть бизнес здесь, или же перебираться в областной центр? Здесь и аренда была дешевле, и конкурентов не наблюдалось, а вот обменять двухкомнатную квартиру в Вантайске на аналогичную там не представлялось возможным без очень хорошей доплаты. Так что Сергей в конце концов решил продолжить торговлю в пределах насиженного места, не подозревая о том, что не второе дыхание обрел город, а лишь испытал короткую ре-

миссию.

Первым «сдулся» целлюлозно-бумажный комбинат, производящий в основном газетную бумагу. Она вполне подходила для старых ротационных машин отечественного производства, но ее напрочь отказывались принимать новые «Хайдельберги» и «Роланды». Расхожее выражение «градообразующее предприятие» ярко показало заключенный в нем смысл, когда остановились несколько десятков цехов. Спустя всего год большинство подъездных путей заросло травой, а приближаться к заброшенным корпусам теперь боялись даже охранники – в опустевших зданиях комбината угнездились бесхозные, дичающие собаки и бездомные бродяги с темным прошлым. В течение двух лет почти обезлюдела жилая окраина, застроенная еще в пятидесятые годы двухэтажными бараками. Кому сильно повезло, те успели продать квартиры в более новых «хрущевках» по приличной цене. Кому повезло не особенно, ездили теперь в другие районы города, а то и в областной центр на ловлю любой работы. Обитатели близлежащих частных домов жили натуральным хозяйством и самогоном, что вряд ли могло вернуть «рабочую слободку» в разряд социально благополучных кварталов. Некоторые таксисты соглашались ездить сюда лишь за двойную оплату и только в светлое время суток.

Затем в завод-привидение превратилось и второе крупное предприятие города – комбинат плащевых тканей. Его продукция была вовсе не хуже китайской, однако дороже в ра-

зы. Но вслед за исчезновением вантайских ветровок с прилавков магазинов почти сразу же с местного рынка исчезли и китайские ряды вместе с китайцами и их куртками – предприимчивые азиаты быстро поняли, что покупатель в Вантайске кончился.

А вот Сергей не мог безболезненно удрать следом за китайцами. Покупатель на запчасти к иномаркам не сказать, что бы уж совсем кончился, но измельчал заметно. География летних отпусков семьи Лихомановых за последние пять лет говорила сама за себя: Таиланд, Турция, Крым, Алтай, нынче сидим дома. И при этом в компании грабителей, которые хоть и сумели сорвать куш, но оказались так неосторожны, что подставили под пулю своего главаря и пристрелили милиционера.

...Борис внимательно выслушал Сергея и задумался.

– Вообще, я на твоём месте сдал бы их, – заявил врач. – Ты подумай, сколько проблем сразу бы решилось?

– Я боюсь за своих, – сказал Сергей. – Бандиты вооружены. А девчонка вообще плохо вменяемая, то и дело угрожает. Не дай бог что-то заподозрит – может и пальбу устроить. При этом их главный хоть как-то стабилизирует обстановку – мне ещё и поэтому хотелось бы, чтоб он поправился.

– Да, если он до сих пор не умер, наверное, останется жив... С точки зрения медицины пулю извлечь нетрудно. А с точки зрения закона?

– По-моему, я уже все объяснил. Не та у меня ситуация,

чтобы поступать по закону.

– А у меня? Ты понимаешь, что любой врач просто обязан доносить о любом подобном случае. А тут все как на ладони – в боку пуля, а на боку – синие купола, да?

– Борис! Единственный человек не только в городе, но и вообще, к которому я мог бы обратиться в подобной ситуации – это ты. И ты знаешь, почему.

Борис Ловейко знал. Не настолько чисты они оба были перед законом, чтобы всерьез рассуждать об обязанности доносить куда следует. Сергей и Борис познакомились давно, еще в те времена, когда Лихоманов открыл свой первый легальный бизнес – небольшой автосервис, прекратив граничащее с криминалом «скоробейство». Доктор Ловейко был потомственным, можно сказать, автомобилистом – его мать крутила баранку собственной машины до весьма почтенного возраста. И умудрилась однажды на темной улице сбить пьяного молодого человека, буквально вывалившегося на дорогу перед ее колесами. Вина пешехода была стопроцентной, но он являлся зятем крупной вантайской шишки, и власти долго рыли землю в поисках автомобилиста, которому наверняка пришлось бы туго. Если бы Сергей не сказал, когда его спросили, что «Жигули» мамы доктора Ловейко в злополучный день находились в его боксе на ремонте (бампер и фару действительно понадобилось менять, но эта часть ремонта в документах отражения не нашла). Борис тем временем держал на контроле состояние попавшего к нему в больницу па-

циента, которого пришлось оперировать, но в конечном итоге удалось вылечить. И, забирая машину матери из ремонта, врач заявил о своей готовности отдать долг владельцу автосервиса. Сергей, насколько ему помнилось, пробормотал тогда что-то насчет того света и угольков, искренне надеясь, что ему не придется просить об аналогичной помощи у Бориса, друзьями с которым они не были, во всяком случае, близкими – это точно.

– Вот ты рассуждаешь о том, что помочь другу – дело святое, так? В любой ситуации?

– Да почти в любой, Боря.

– Вот видишь – «почти». Это значит, что какой бы старый и добрый друг для тебя он ни был, все же есть какой-то предел для того, чтобы так злоупотреблять, верно? Подумай: а если бы ты оказался в подобной ситуации, Павел бы тебя выручил?

– Не знаю. – Сергей подумал несколько секунд. – Но если честно, то и знать не хочу.

– Нет-нет, – настойчиво заговорил врач, щелкая зажигалкой. – Мне все равно интересно. Вот видишь – ты не знаешь. А вдруг бы он, наплевав на старые отношения, прямым ходом рванул бы в милицию? Или в прокуратуру? Ведь это ты сейчас поступаешь как друг. А он поступает как... В общем, неправильно он поступает. Не по-дружески. С этим ты можешь согласиться?

– Могу.

– Ну, вот....

– Но если я так сделаю, я опущусь до его уровня.

Мужчины помолчали. Ловейко рассеянно стряхнул пепел в корзину для бумаг и заговорил:

– Дружба, Серег, на мой взгляд, бывает очень странной штукой. Особенно на твоём примере с Павлом. Знаешь, в древнем Египте был такой священный жук... Не могу вспомнить, как его название...

– У них там, по-моему, вообще не было несвященных животных.

– погоди. Этот жук катал шарики, а египтяне усмотрели в его действиях символ движения солнца. То есть, шарик, слепленный из навоза, являл собой солнце. Понимаешь?

– Это с какой стороны смотреть, да? Для кого-то это солнце, для кого-то – катышек дерьма. Так, что ли?

– Да. Но еще есть третья сторона, третий субъект – сам жук. Для него абсолютно безразлично, что думают древние, и чем является его шарик для современных людей в действительности. Для жука катать шарики из всякой дряни – дело естественное, более того, необходимое; так как он то ли питается этой дрянью, то ли делает из нее гнезда – неважно. Важно то, что он не может обойтись без этого.

– Так. Жук – это, выходит, Павел?

– Нет. Сергей, ты ничего не понял. Твой Паша – это в данном случае древний египтянин. А вот ты и есть тот самый жук. А для всех окружающих, кто может смотреть на вещи

объективно, цена вашей дружбе – сам понимаешь что.

– За такие сравнения, Боря, можно ведь и по вывеске схлопотать, – задумчиво произнес Сергей.

– Ну что ж, извини за откровенность... – Борис погасил сигарету. – Ты же на машине, если я все правильно понимаю?

– Разумеется.

– Тогда спускайся и жди меня. Через пятнадцать минут я буду готов.

– Борис!.. Спасибо, – с чувством произнес Лихоманов.

– Потом благодарить будешь, – ответил хирург. – Впрочем, я в этом не уверен.

* * *

Парадный вход в здание, где все шесть этажей занимали офисы, был наглухо закрыт, и указательная стрелка направляла потенциальных посетителей во двор. Из сквозных ворот здания тянуло каким-то неестественным, неправильным холодом, со сводчатого потолка арки готов был отвалиться громадный пласт штукатурки, и я решил от греха подальше обойти дом вокруг, пусть бы это даже и удлинило мне путь.

Двери под разнокалиберными вывесками были незапертыми, и я воспользовался возможностью попасть внутрь. Нужный мне офис располагался на втором этаже, я для начала обошел конторы на первом – мало ли что.

Здесь когда-то была компьютерная фирма (пустые стелла-

жи и раскуроченный кассовый аппарат), магазин отделочных материалов (выцветшие образцы продукции на видном месте), мини-типография (печатная машина типа «Ромайор» в центре комнаты и разбросанные по полу оттиски). Здесь в числе прочего печатали листовки с призывами голосовать за какого-то мужчину с интеллигентно тонкими чертами слегка асимметричного лица. Судя по всему, речь шла о местных и сравнительно недавних выборах, но определить, до выборов или после оных из города случился исход, я не сумел. Одну из листовок я подобрал и положил в карман.

На первом этаже была еще одна комната – здесь торговали детской канцелярией, как-то: цветной бумагой, тетрадками, пластилином. В офисе, похоже, как и во многих других виденных мной сегодня помещениях, что-то громили... Но вероятнее, все же, не что-то, а кого-то. На одном из столов остались засохшие следы порядочного количества крови, на полу тоже хватало подозрительных пятен. Близ них я обнаружил ключи, похожие на автомобильные, с брелком в виде дракончика, а поскольку во дворе заметил несколько припаркованных машин, то решил подобрать и эту связку.

Поднявшись в интересующий меня офис, я опять разочаровался: ничего интересного или могущего дать хоть какую-то информацию о местонахождении директора, здесь не нашлось. Несмотря на то, что офис был не заперт, и на стеллажах внутри помещения хватало разных металлических деталей, здесь обошлось без вандализма и без разграбления.

А если я хоть что-то понимаю в запчастях, то уж на тысячу долларов железок тут по-всякому можно было набрать.

К этой комнате с образцами товара и примыкал кабинет директора. Одно время, насколько мне известно, он платил управляющему, но сейчас был вынужден рулить самостоятельно.

Походило на то, что кабинет, как и почти все виденные мной сегодня помещения, пустовал уже приличный срок. Я решил, что имею право пошарить в вещах, и приступил к обыску.

— ... Как назывался офис вашего знакомого?

— «Оверхилл». Кажется, ООО. На вывеске еще и по-английски было написано «Overhill ltd.»

— Знаю такую фирму. Продолжайте.

В одном из ящиков стола я нашел связку разнокалиберных ключей, вероятно, квартирных. Я взял их с собой, но больше ничего интересного и здесь обнаружить не сумел... Верхняя камера сейфа была заперта на ключ, нижняя – открыта настежь и опустошена. На столе находился телефонный аппарат с цифровым автоответчиком, и у него оказалась исправна батарея. Линия молчала, но прослушать запись разговоров получилось. К сожалению, дисплей показывал только часы и минуты, и я опять не сумел определить дату местного апокалипсиса.

«Это Иван. Слушай, мне нужно три комплекта зимней резины на четырнадцать. Только «Нокиан» не надо, у меня сейчас нет таких толстых клиентов. Давай один «Бриджстоун», лучше бэ-у, и две «Таганки», можно новые. Хорошо? Жду звонка, желательно сегодня», – густой хриплый бас.

«Тут вас двое иногородних помогают – говорят, что есть проблемы с дубликатами, которые мы выписывали на прошлой неделе», – нежный девичий альти.

«Привет. Будь добр, сообщи, не пришло ли чего на «Скарабус» девяносто восьмого года выпуска. Погибаем», – энергичный голос парня лет двадцати с небольшим.

И на этом все – наверняка автоответчик регулярно очищали от поступающих сообщений. Занятно, что двое из звонивших даже не удосужились представиться – это означало, что их голоса хозяину кабинета были хорошо знакомы.

Ждать и искать тут больше было нечего. Я покинул офис, прикрыв за собой двери, и спустился во двор. На парковке у подъезда стояли три автомобиля – две цветные «девятки» и белая «Тойота-Королла» начала века, если судить по форме кузова. На вид машина была почти как новая и вроде бы целая, в отличие от всей иной автотехники, что попадалась мне на улицах города. Приятным сюрпризом оказалось то, что найденные ключи подошли к этой машине, и совсем уж здорово было, что двигатель со второго раза завелся, а датчик показал, что топлива в баке существенно больше половины.

Пока мотор прогревался, я прикинул план дальнейших

действий. Лучше всего, наверное, съездить к директору домой, дождаться его (если такое возможно), а потом уехать на «Королле» из этого проклятого города. Уж наверное, выезды из Вантайска существуют в природе.

– ...Получается, что машину вы просто угнали? Так?

– *Вы могли бы посоветовать что-то другое?.. Знаете, мне было страшно идти пешком через весь город. И потом, я очень хотел вообще уехать. Как только смог бы убедиться в том, что зря теряю здесь время.*

– *Будем считать, что в ваших словах есть определенный резон, – заключили вы.*

Мне действительно было страшно. Безлюдный город буквально давил на психику всей своей тупой инертной массой. При этом казалось, что в любой момент из-за угла вылетит машина, набитая отморозками, готовыми взять тебя на абордаж, или дорогу перегородит толпа восставших из ада мертвецов. После того, как я увидел, во что превратился Вантайск, мне уже трудно было бы чему-то удивиться.

Конечно, я знал, что этот город, как сейчас принято говорить, депрессивный. И слышал, что на просторах нашей страны найдутся не только вымершие деревни, но и поселки, и вроде бы даже несколько маленьких городишек. Причем, на мой взгляд, городку умереть проще. В деревне, если ты не пьешь и на печи круглосуточно не лежишь, выжить мож-

но. В городе, если ты был привязан к заводу, который остановился, к магазину, который закрыли, и к теплоцентрали, которая отключила отопление за неуплату, шансов не остается. Дергайте отсюда, товарищ... Вот только знать бы куда.

Но как мог неслышно для мира умереть Вантайск, скажите мне на милость?! Это было выше моего понимания...

Я почти добрался до нужной улицы, застроенной, как и большинство кварталов, однотипными панельными пятиэтажками, и на минуту решил остановиться – заглушить двигатель, послушать, что здесь и как. И свернул с дороги к небольшому павильону, на парковке рядом с которым стояла машина, на вид такая, будто только что с конвейера. Покосившаяся вывеска на павильоне уверяла, что в нем находится салон сети игорных домов «Монте-Кристо».

– ...Может быть, «Монте-Карло»?

– *Может быть. Я точно не помню. Тем более что на вывеску я уже не обращал внимания, когда подошел к стоящему рядом с павильоном автомобилю. Капот машины был теплым, когда я положил на него руку.*

– *Что за машина?*

– «Форд», седан. Дверь со стороны водителя была не заперта, ключей в замке я не увидел, но то, что в этой машине совсем недавно работал двигатель, сомнений быть не могло.

– Есть кто-нибудь?! – крикнул я.

Тишина. Только отдаленное воронье карканье.

Автомобиль был серебристо-серый, с характерными для «Фордов» выпуклостями над колесными арками. Я еще раз заглянул внутрь салона. Ничего особенного – стандартная комплектация. Чехлы на сиденьях дешевые, особых украшательств на панели или под лобовым стеклом не замечено. Листок техосмотра с цифрами прошлого года – к сожалению, ни о чем конкретном он не говорил.

Осторожно, по-прежнему опасаясь неприятных сюрпризов, я вошел внутрь игрового павильона. Хозяина машины тут не нашлось, как впрочем, и иной живой души. Электронные игровые автоматы были почти все разбиты, только один механический агрегат – «однорукий бандит» казался целым и невредимым.

Неожиданно для самого себя я подошел к автомату и потянул рычаг. Дурацкая идея? Да, иного я потом не мог сказать об этом поступке. Какого черта мне пришло подобное в голову, и сам не знаю.

«Однорукий бандит» оказался либо сломанным, либо принудительно разблокированным – заработал без жетона. Диски раскрутились, затем начали замедлять движение. Остановились, неожиданно зафиксировавшись на трех одинаковых картинках с ягодками, и в лоток, загремев, вдруг выпал единственный жетон.

Вытащив жетон из лотка, я стал его разглядывать. С одной стороны он был украшен изображением жука, с другой – сти-

лизованным солнцем, каким его иногда рисуют в книжках для детей: кольцо с короткими языками пламени по внешней окружности. В этот момент я сообразил, что уже некоторое время снаружи до меня доносится какой-то шум, машинально опустил жетон в карман и выскочил из павильона.

И обнаружил, что между «Короллой» и «Фордом» лежит простой футбольный мяч. И не просто так лежит, а останавливает свое движение, словно бы только что откуда-то прикатился.

От неожиданности я даже выругался вслух – ну чего мне стоило выйти наружу несколькими секундами раньше! Хотя... А был бы в восторге от моего появления этот футболист? Не факт, как говорят нынче. Впрочем, не факт, что кто-то из местных вообще захочет пообщаться с приезжим. Возможно даже, что таинственные обитатели Вантайска вообще не стремятся на контакт со мной, а это вполне могло означать если не открытую враждебность, то как минимум трусливое недружелюбие.

Я поддал по мячу ногой, он некоторое время летел над газоном в сторону одной из пятиэтажек, затем, подпрыгивая, покатился по неровному асфальту.

И вдруг из-за угла дома выбежал человек. Я находился метрах в тридцати от здания, и легко сумел разглядеть, что это мальчик лет двенадцати или около того, одетый в оранжевую тенниску и зеленые бриджи. Он поддал ногой подкатившемуся мячу, тот упрыгал за дом, а мальчишка побежал

следом.

А я помчался за мальчиком. Это был первый замеченный мною человек в пустом городе, и, вполне возможно, он вряд ли остался здесь в одиночестве. Не иначе, рядом с ним есть взрослые, которые, наверное, все же смогут мне объяснить, какая фантасмагория тут происходит.

Все это я продумал за те несколько секунд, пока добрался до угла дома. Но за это время мальчишка куда-то исчез. Мяч еще медленно катился по дороге вдоль подъездов, а вот паренька уже словно и не было.

Я огляделся. Не слишком большой двор с типичным набором металлических детских качалок и лесенок все же казался не таким уж маленьким, чтобы мальчик успел его пересечь и скрыться за другими зданиями, пока я бежал. Может, он заскочил в подъезд? Вот только в который из ближайших двух?

Мне не пришло в голову ничего, кроме как пробежаться по лестницам и простучать двери квартир. Честно скажу – я заранее настроился на неудачу. Может быть, потому в первом подъезде я и испытал полное фиаско. Но вот во втором подъезде я на втором же этаже успел заметить мелькнувшую тень и услышать звук хлопнувшей двери. Неужели повезло?

Я подскочил к этой двери и заколотил по рейкам, которыми она была обшита.

«Откройте! Пожалуйста, откройте! Я заблудился в этом городе» – заговорил я. Вероятно, неся определенную чушь,

но что более умное можно было произнести в подобных обстоятельствах?

За дверью слышался какой-то шорох – словно кто терся о стенку. Я подождал секунд пять, затем почти слово в слово повторил свою просьбу.

В ответ на нее прозвучал выстрел.

Глава третья

Борис щелкнул замком бикса, поставил его на пол. Затем, вынув из барсетки органайзер, приготовился что-то писать.

– Какие перспективы, доктор? – тихо спросил Половод. Лицо его было не таким бледным, как утром, но заметно осунулось, на щеках появился румянец. Вряд ли такой уж здоровый, подумал Сергей.

– Рана неопасная, – объявил Ловейко. – Пулю изъять было несложно. Есть опасность внутреннего кровотечения, поэтому надо избегать резких движений и очень бережно обращаться с раневым местом. А от спортивных мероприятий я вообще бы посоветовал воздержаться как минимум на месяц. Если строго соблюдать режим и простые рекомендации, через неделю вы сможете вставать.

– Неделя, – прошептала Ира из коридора.

В проеме комнаты торчали Павел и Карина. Егор по-прежнему рубился в свои игры, он лишь на минуту выглянул из чулана, когда Сергей привез врача. Надежда почти не выходила из зала. В комнате, кроме врача и пациента, находился только Лихоманов-старший.

Неделя, подумал он. Еще неделя кошмара – и все. Еще целая неделя, которая только началась. В течение этой недели налетчики будут вонять в туалете табачным дымом, их придется кормить и наверняка обстирывать. Принесло оккупан-

тов на мою голову...

– Сейчас выпишу рецепт, – спокойно говорил Борис. – Перевязку будете делать каждое утро и каждый вечер. Я уверен, что вы это сможете.

– Это к тебе относится, – Сергей испытующе посмотрел на Карину. Та поморщилась, но протеста не последовало. И на том спасибо.

– Чего мы должны? – спросил Павел. Борис даже не обратил на него внимания.

– Пошли, Сергей, – сказал врач. – Проводишь меня до машины. Да и в аптеку зайди заодно.

Ни с кем не попрощавшись, Ловейко вышел из квартиры. Лихоманов последовал за ним...

– Ты, если я правильно понял, сделал свое дело? – спросил Сергей, когда мужчины спустились во двор и остановились возле машины.

– Да, с этим парнем проблем быть не должно. С точки зрения медицины. А вот с других... Боюсь, твои постояльцы еще наделают тебе хлопот. Так что советую тебе их припугнуть. И не давай им бездельничать, а то на стенку полезут. Пусть занимаются больным – я не зря сказал про перевязки. Зэчары все это как правило умеют делать...

Через несколько минут Сергей остановил машину возле больницы и протянул руку врачу:

– Спасибо, Борис.

– Не за что... Не люблю быть в долгу, – сказал Ловей-

ко, улыбнувшись уголками губ. – Ну ладно. Удачи! Она тебе сильно понадобится в ближайшие дни.

...Открывая дверь квартиры ключом, Сергей уже понял, что происходит недоброе. Растрепанная, раскрасневшаяся Карина с привизгом допрашивала Пашу, куда он дел ее сумочку. Паша в свою очередь огрызался, уверяя, что следить за чужой сумочкой он не нанимался, и что Карине следовало бы вообще не выпускать ее из рук, раз она не может жить без ее содержимого. Разговор, естественно, проходил на повышенных тонах и без особого контроля над нормативами лексики.

Сергей готов был поклясться, что никакой сумочки Карина действительно не вносила в квартиру. Кроме дорожной сумки, набитой награбленными долларами, при славной троице ничего не было. Но сейчас он не стал высказывать вслух свои соображения.

Вместо этого Лихоманов схватил девушку за локоть, развернул к себе и в очередной раз напомнил о недопустимости подобных выражений в его доме. Лицо Карины было перекошено от злобы, и сейчас его вряд ли кто мог назвать привлекательным.

– Паша, ну чего опять за дела?! – спросил он, обернувшись затем к другу. – Что за детский сад? От того, что вы будете орать и скандалить, только себе хуже сделаете. Ну потеряли сумочку, что же теперь...

Карина зарычала и сползла по стенке, уселась на пол, под-

тянув колени и закрыв лицо руками. Лихоманов озадаченно поглядел на нее.

– Она на игле сидит, – неохотно произнес Павел. – В сумке, наверное, две дозы «герыча» были... Ну и «баян», конечно, да прочие прилады. Если сейчас не уколется, ее начнет плющить, и она вообще все, что угодно может натворить...

– Па-ша! – простонала Карина, не вставая с пола. – Пожалуйста... Найди сумку!

– Ты где ее оставила? В тачке? Вспоминай! – требовательно заговорил Павел.

– Нет, не в тачке, – жалобно проговорила Карина. – Она всю дорогу была со мной. Я могла только в один момент ее выронить – когда мы Барина тащили в подъезд... Да, наверное, там, в кустах она и валяется! Точно!.. Сережа! – Молодая женщина повернулась к Лихоманову. – Умоляю, пожалуйста... Пожалуйста, найди мне сумку! Черная такая, кожаная, обычная сумочка... Сходи, может, она еще там... Я все-все для тебя сделаю, только по-жа-луй-ста, найди мне сейчас ее!

Карина приподнялась, но тут же встала на колени перед Сергеем и умоляюще сжала тонкие кисти рук со старыми следами лака на аккуратно подстриженных ногтях. Теперь в ее глазах прыгали огоньки страха – того, наверное, страха, известного лишь наркоманам, у которых вдруг возникла жуткая перспектива остаться на неопределенный срок без дозы. Лицо ее теперь стало похожим – Лихоманов просто по-

разился – на лики святых с картин эпохи Возрождения.

Ну что ты будешь с ними делать?!

– Паша, заberi ее в комнату, и сидите там тихо, – сказал Сергей. – Это для вашей же безопасности... Сейчас я схожу, может, удастся чего найти. Кстати, несколько шприцев я купил, займитесь пока вашим Баринoм... Отвлекитесь.

Карина прерывисто вздохнула, поднялась на ноги и позволила Паше увести себя в комнату. Но на секунду остановилась, повернув к Лихоманову свое лицо – в эту минуту необыкновенно красивое, с нежнейшими чертами.

– Пожалуйста, – тихо повторила она.

... Сергей трижды прочесал кусты во дворе близ своего подъезда, обошел вокруг трансформаторной будки и заглянул под детскую горку, сколоченную из досок. Кроме пары пустых бутылок, нескольких пачек из-под чипсов, жвачек и сигарет, окурков а также, разумеется, многочисленных горok собачьего дерьма, на глаза ему ничего иного не попадалось. Сумочки, конечно же, не обнаружилось – он заранее уверился, что девица что-то напутала.

И все же он ошибся: когда стало окончательно ясно, что смысла шарить по кустам никакого нет, вдруг под одной из скамеек у ведущей через двор дорожки что-то тускло блеснуло. Лихоманов нагнулся. Пудреница! И одноразовый шприц в упаковке, однако, побывавший уже в употреблении. Все-таки Карина не ошиблась, сумочку она потеряла действительно рядом с домом. Вот только кто-то ее распотро-

шил, что нашел интересного, прикарманил, а ненужное выбросил.

С этими сведениями Сергей и вернулся в квартиру.

– Пудреница? – вскинулась Карина – Красная?

– Кажется, да, – проговорил Сергей равнодушно.

– Так забери ее! – воскликнула молодая женщина. – В ней одна доза еще должна остаться! Принеси, пожалуйста, слышишь?

Карину уже трясло. И она, по всей видимости не играла – даже на расстоянии порядка двух метров было слышно, как стучат ее зубы. Время, очевидно, терять было нельзя. Про себя чертыхаясь, Лихоманов снова потащился во двор, поражаясь тому, как легко он прогнулся под обстоятельства.

На скамейке, под которой Сергей несколько минут назад обнаружил остатки содержимого сумочки, покачивая ножками, сидела девочка лет семи-восьми в простом синем платице с белыми оборками. При этом знакомая: дочь Родионовны – бесшабашной бабенки из четвертого подъезда, работавшей в местном ЖЭУ маляром. Нередкий экземпляр среди жильцов любого городского дома – живет без мужа, но приятели есть, попивает, но без запоев, шумит по ночам, но хулиганов из подъезда гоняет. И дочь растит – такую же оторву... Что это такое она в руках крутит?

У Сергея упало сердце, когда он убедился, что девчонка пытается вскрыть красную пудреницу.

– Привет, – обратился он к девочке, быстро подойдя к ска-

мейке.

– Дрась, дядь Сережа, – ответила девочка, не прекращая своего занятия.

– А скажи-ка мне, что это у тебя такое? – масляным голосом спросил Лихоманов.

Девчонка немедленно спрятала руки за спину.

– А ничего у меня такого нет, – она сделала честные глаза.

– Послушай... – Сергей присел на корточки рядом со скамейкой. – Ты нашла сейчас под скамейкой красную штучку. Это моя жена потеряла. И расстроилась – ей она очень нужна, тем более, это подарок.

По всей видимости, девчонке было глубочайше плевать на переживания чьих-то жен.

– Но у меня правда ничего нет...

Она чуть поерзала попой и, вытащив руки из-за спины, предъявила обе ладони для досмотра: – Вот.

– Ну... Девочка (как же ее зовут-то, вот черт!), зачем ты говоришь мне неправду? Ведь я же сам видел, как ты крутила эту штучку в руках.

– Не было у меня ничего. – Ужасный ребенок округлил глаза и слегка закатил зрачки.

Лихоманов предполагал, что в детской психологии он полный профан – об этом ему и Ирина не раз говорила, когда у супругов возникали разногласия по поводу издержек воспитания Егора. Но сейчас просто необходимо было напрячь все усилия, чтобы пойти на контакт и не спугнуть девчонку.

– Тебя как зовут-то, маленькая? – не меняя приторного тона, поинтересовался Сергей.

– Люся. – Девочка наклонила голову, прикусила большой палец левой руки и хитро стрельнула глазками.

– Тебе лет-то сколько?

– Семь...

– У! Так ты уже в школу ходишь, наверное?

– Еще нет. В этом году пойду в первый класс.

– Хочется в школу-то, наверное?

– Не знаю... Лилька с пятого этажа говорит – отстой.

– Ну... Ей, может, и отстой, а тебе вдруг понравится, ага? Там весело, на переменах дети носятся,

(боже, что я несу?!)

играют друг с дружкой!

Девочка не ответила. Ей несомненно надоел этот глупый и занудный дядька, и надо по-хорошему вставать и драпать, но как сделать, чтобы незаметно прихватить с собой бесценную находку, надежно прижатую сейчас попкой к доскам скамейки?

– Люся, а день рождения у тебя давно был? – отчаянно начал импровизировать Лихоманов.

– Не-а... В мае, недавно.

– Эх... Вот бы сегодня, тогда можно было тебе подарить чего-нибудь.

По глазам девчонки хорошо читалось, что она ругает себя за несообразительность.

– Но наверное, подарки тебе хорошие подарили? – Сергей продолжил разрабатывать жилу.

– Да так... Две книги какие-то.

– Интересные?

– Не знаю. Картинки отстойные... Набор детской косметики еще принесли – тетя Оля и ее новый приятель. Только мамка тут же забрала и спрятала – говорит, рано еще мазаться.

С этими словами девочка даже надула губы – видно, что она в корне не согласна с мнением матери.

...Во дворе было пусто. Лишь двое или трое прохожих пересекали площадку по диагонали. И то хорошо – еще не хватало, если бы кто из знакомых увидел, как Лихоманов, имеющий в довольно бедном квартале репутацию излишне хваткого деляги, вот уже несколько минут занимается тем, что пристает к ребенку во дворе.

Но ведь надо что-то делать!

– Люся, а может, тебе лучше новую пудру подарить, а? Зачем тебе старая? Тем более, там ее уже мало осталось. А? Девчонка начала что-то смекать.

– Дядь Сережа, – менторским тоном заговорил ребенок, – мне мамка строго сказала: у взрослых дядей ничего нельзя брать!

– Так это ж у незнакомых, верно? А меня-то ты знаешь?

– А еще мамка сказала, что вы новый русский, и с вами вообще не о чем разговаривать... Вот.

Черт бы подрал всех этих люмпенов, подумал Сергей. А также их не в меру сообразительных детишек. А с ними – всех бандитов заодно с наркоманами и наркоманками, из-за которых, он, Лихоманов, глава пусть захудалой, но еще держащейся на плаву фирмы, лично знакомый с мэром Вантайска, сейчас вынужден валять дурака перед девчонкой, чтобы Карина смогла вкатить себе дозу и тем самым на некоторое время обеспечила спокойствие в квартире... Насколько это еще возможно, сказал внутренний голос.

– Да какой же я новый русский, – Сергей взял до предела доверительный тон и даже развел руками. – Новые русские живут в отдельных коттеджах, ездят на Канары, у них дорогие джипы и «Мерседесы»... А у меня что?

– А у вас тоже машина дорогая. И за границу вы в позапрошлом году отдыхать ездили... Наверное, и подарки дорогие на день рождения дарите.

Та-ак. Начинается детский рэкет. Самое странное, что Сергей так не волновался даже, когда его еще на заре деловой деятельности посещали настоящие вымогатели.

– Да и не только на день рождения, – Лихоманов решил подыграть. Главное, подумалось ему, сейчас не перестараться. – Ты что-то очень хотела получить, наверное, да? А тебе не подарили?

– Да. Я хочу набор косметики. Только не детский, а взрослый. Какой-нибудь крутой чтоб был...

Сергей стиснул зубы. Вот еще попал! Ну где это видано,

чтоб дошкольница пользовалась подобными игрушками! Да и маманя, когда увидит (а увидит обязательно!), чем красится дочка, то ведь землю насквозь пробурит, а докопается, откуда презент. А у него, Сергея, и так проблем выше крыши.

– Послушай, а может, я тебе лучше денег дам? А ты сама чего-нибудь пойдешь и купишь? А то я плохо в женской косметике разбираюсь, куплю что-нибудь, а тебе не подойдет.

Сергей намеренно сказал «не подойдет» вместо «не понравится», и даже похвалил себя, решив, что изыскал удачный прием из арсенала детской психологии.

Девчонка уже поняла, что между ними имеет место быть заговор. Она поглядела по сторонам и с пониманием сказала:

– Ладно, давайте, я действительно лучше сама чего-нибудь куплю себе.

– Хорошо. Пятьдесят рублей хватит?

Видно было, что Люся слабо представляет, сколько ей надо для полного счастья. И все же она подумала, что дядя решил обойтись малой кровью.

– Нет. Надо рублей семьдесят. А лучше восемьдесят.

– Может быть, ты и права. Вот тебе деньги, а ты мне сейчас отдашь то, что прячешь. Хорошо?

Девочка закивала головой. Сергей полез в карман и почувствовал, как у него внутри все переворачивается вверх ногами – из-за всей этой суеты он оставил дома бумажник.

– Что такое? – Ребенок сразу просек неладное.

– Сейчас, подожди. Не торопись...

Достав мобильник, он набрал номер жены. Девчонка насторожилась. В трубке прозвучало «абонент не отвечает или временно недоступен», а Люся, похоже, вообразила, что противному дядьке, видно, стало жалко денег, и он звонит кому-то из взрослых на помощь, чтобы отобрать у ребенка чудесную находку. Девочка подскочила и попыталась сорваться с места.

Сергей поймал ее за руку. Со стороны, конечно, сцена выглядела безобразной: взрослый мужик грубо хватает маленькую девочку, а та тщетно пытается вырваться. Сейчас из окон высунутся пожилые женские головы, и начнется...

– Ну послушай, Люся!.. – заговорил Сергей. – Деньги я дома забыл. Я сейчас тебя отпущу, только ты не убегай. Я тебе дам больше – сто рублей, хорошо? Если ты подождешь меня на этой скамейке две минуты, и никуда не исчезнешь... Ладно?

Девочка перестала выдергивать руку, и Лихоманов рискнул ее отпустить. Люся не стала убегать, Сергей отступил на шаг и перевел дыхание.

– Все, – сказал он, – жди меня здесь две минуты.

И сам кинулся домой, надеясь, что долго не задержится; дел-то всего ничего – сто рублей взять...

Квартира встретила его отвратительными звуками – кого-то нещадно рвало в туалете. Карину, естественно. Выставив ноги в коридор и стоя внаклон на коленях, она пугала унитаза с рычанием и стонами, словно перебравший султыги

пьяница. Паша, видимо, сидел в комнате с Бариним – дверь была плотно закрытой. Ира и Надя, обе с каменными лицами, выросли в прихожей.

– Я не понимаю, во что мы вляпались, – произнесла жена.

– Сейчас я возьму бумажник, и решу эту проблему, не беспокойся.

– «Не беспокойся», – нервно хихикнула Ира. – Да уж...

Лихоманов не мог терять время на бесплодные разговоры. Схватив бумажник, он задержался лишь, чтобы проверить, есть ли внутри деньги. Деньги были.

Он скатился по лестнице во двор, на ходу сложив в несколько раз сотенную и переместив ее в карман. Люся, к счастью, сидела на прежнем месте.

– Вот и я, – сказал он, через силу улыбнувшись. – Держи.

И, вынув из кармана купюру, протянул девочке, но попутно оглянулся – не подсматривает ли кто с близи.

Люся благосклонно приняла купюру и быстро спрятала ее невесть куда.

– Спасибо, дядь Сережа, – произнесла она и, поднявшись, тут же двинулась в неизвестном направлении.

– Эй! – сказал Лихоманов. – Ты мне что-то ведь обещала вернуть!

– А я вроде бы у вас ничего не брала, – пропел ребенок.

Сергей почувствовал, что весь мир вокруг него пошел вкруговую.

– Не брала? И что?! – Мужчина почти закричал. – Ты мне

обещала отдать пудреницу моей жены!

– Ой... Дядь Сереж, я, кажется, ее потеряла... – жалобно произнесла Люся и опустила хитрые глазки долу.

– Да где ты ее могла потерять?! – зарычал Лихоманов, все же посмотрев на землю возле скамейки. – Отдай, черт возьми! Что за шутки!?

Какой бы ни была девочка оторвой, все же ей лишь недавно исполнилось семь. И, будучи к тому же не дурочкой, она сообразила, что не надо излишне злить взрослых. Конечно, красивую вещицу, блестящую, гладенькую, прямо-таки *сладкого* цвета очень, очень жалко, но ведь глупый дядя, как бы там ни было, не пожалел за нее неплохих денег.

– Ой, да вот же она! – сказала вдруг Люся, достав откуда-то пудреницу и протянув ее Сергею.

– Ну спасибо, Люсенька, – выдохнул Лихоманов, забирая вещицу. – Уж как жена обрадуется... Я ей обязательно скажу, что это ты нашла.

Сергей действительно не относился к знатокам детской психологии. Но потом убедил себя, что произнес эту фразу намеренно.

– Нет-нет! – с некоторым даже испугом сказала Люся. – Ничего не говорите. И я никому не скажу, что вы мне денег дали.

– Точно не скажешь? – Сергей строго сдвинул брови.

– Конечно! Ни за что не скажу... И вам спасибо, – почти шепотом произнесла она.

– Ну, тогда беги... – И, не обращая больше внимания на девочку, Сергей опять помчался домой.

Карину уже слегка отпустило. Она вернулась в комнату, где уселась в кресло, слегка запрокинув голову. Лицо ее опухло, покраснело, белки глаз налились кровью. Андрей Половод был без сознания, а может быть, просто спал. Павел бесцельно слонялся по комнате.

– Принес? – спросила Карина безнадежно.

Сергей кивнул, протягивая пудреницу. Молодая женщина даже всхлипнула от громадного облегчения, когда убедилась, что внутри вместо пудры находится плоский пакетик с заветным порошком. Павел потребовал ложку.

– Столовую надо. Лучше не алюминиевую, – заметил он.

Лихоманов сходил в кухню за ложкой, спрашивая себя не в первый раз уже – снится ему весь этот дурдом, или все-таки это кошмар наяву...

– Давай, замути мне скорей дозу... – сказала женщина Паше, протягивая ему зажигалку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.